

Эпоха постправды: влияние государства и стратегическая коммуникация – современные проблемы безопасности на восточном фланге Европы

Ральф Ролофф и Пал Дунай

Колледж международных исследований и исследований по вопросам безопасности, Европейский центр исследований по вопросам безопасности им. Джорджа К. Маршалла, <http://www.marshallcenter.org>

Резюме: Роль стратегических коммуникаций изменилась в контексте отношений России с ее партнерами, включая Запад, постсоветское пространство и Западные Балканы после 2013 года и декларации тесной интеграции коммуникации с другими средствами русского влияния. Москва выделила больше ресурсов, чем когда-либо, и ослабила традиционное западное превосходство в сфере СМИ. Но не СМИ сами по себе, а их интеграция с реализацией стратегических целей является отличием от прежних времен. Главная цель России не убеждать, а сеять сомнения в послания других акторов и приобретать влияние над обществами и другими государствами. В пространстве бывшего Советского Союза создание стратегических посланий является частью континуума, который в конечном итоге включает использование военной силы. Запад стоит перед дилеммой, поскольку он не должен подрывать свои собственные ценности и должен сохранить свободу речи и свободу печати, тогда как Россия защищает свою монополию на СМИ и эффективно лишает свободы электронные СМИ у себя дома. Запад реагирует нерешительно и с опозданием со своими стратегическими посланиями, хотя постепенно наверстывает, принимая определенные контрмеры не только на национальном уровне, но и через свои институции.

Ключевые слова: фейковые новости, информационная война, медиа, Россия, влияние государства, стратегическая коммуникация, стратегические послания.

Введение

С 14 по 18 мая 2018 в Европейском центре исследований по проблемам безопасности им. Джорджа К. Маршалла собрались вместе 54 гражданских, правоохранительных и военных практиков политики безопасности среднего и высшего эшелона и экспертов из 19 стран для совместной работы на третьем Европейском семинаре по безопасности – Восток (ЕСБ-В). На курсе рассматривалась тема «Эпоха постправды: влияние государства и стратегическая коммуникация – разработка стратегий в отношении современных вызовов безопасности на восточном фланге Европы». Вскоре после этого, с 4 по 8 июня 2018, последовал Семинар для руководителей высшего звена (СРВЗ) по связанной теме «Противодействие враждебным операциям по оказанию влияния государственным и негосударственным акторами». Повышенное внимание к этой теме полностью понятно, поскольку стратегическая коммуникация в последние годы получила новые измерения. Рассмотрение коммуникации было также логическим продолжением предыдущего ЕСБ-В, который занимался гибридными угрозами и укреплением устойчивости против них.¹ Государства, чья пропагандистская технология не была особенно надежной и успешной, изменили ее механизмы и средства, чтобы реагировать на вызовы и лучше интегрировать коммуникацию в свои стратегии.

Хотя основное внимание было уделено Российской Федерации, по разным причинам пристально следует осуществлять мониторинг стратегической коммуникации и многих других акторов, не на последнем месте из-за того, что средства обращения к населению других стран стали широко доступными и могут быть использованы более экономически эффективно, чем когда-либо. Это относится, в частности, к децентрализованному использованию социальных медиа. Поскольку стратегическая коммуникация не есть новое явление, «... как они используются или как прикрывается их использование, является новым элементом этой гибридной войны».²

Известно, что государства не могут пользоваться статусом великой державы, если не действуют на основе комплексной мощи. Она включает разные элементы, начиная от военного могущества и заканчивая конкурентоспособной экономикой, включая инновации, сравнительно молодое и образованное население, модель, которой могут следовать другие государства и государства, которые действительно следуют за великой державой.

---

¹ Относительно результатов этого семинара, смотри Pál Dunay and Ralf Roloff, “Hybrid Threats and Strengthening Resilience on Europe’s Eastern Flank,” *Security Insights*, no. 16 (March 2017), http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/mcdocs/files/College/F_Publications/seclnsights/security_insights_16.pdf.

² Jim Garamone, “NATO Commander Breedlove Discusses Implications of Hybrid War,” U.S. Department of Defense, March 23, 2015, www.defense.gov/News/Article/Article/604334/nato-commander-breedlove-discusses-implications-of-hybrid-war/.

В их число можно включить и другие факторы, как, например, язык, говорящий в некоторых других странах, и культуру. Важно и то, что страна может обращаться к другим, и что ее послания воспринимаются с некоторой долей доверия. В некоторых странах некоторые элементы присутствуют в большей степени, чем в других. Однако, ни одно государство не может сидеть за «столом избранных», если не инвестирует ресурсы в расширение спектра могущества. Интеллигентные государства обычно отталкиваются от своих сильных сторон и перенаправляют ресурсы к своим слабым сторонам. Они могут так же выделять ресурсы для сфер, в которых они сильны, с тем чтобы еще более усилить их. Первый вариант можно назвать горизонтальным укреплением, второй – вертикальным (усиление сильных областей). Есть несколько примеров, иллюстрирующих этот пункт. Китай, который является центром мировой промышленности успешно диверсифицировал базу своего могущества и создал эффективные вооруженные силы, стал второй страной по расходам на оборону и пропагандирует китайский язык и китайскую культуру. Что касается Российской Федерации, она имеет свои сильные стороны, например, самый большой в мире арсенал ядерных оружий, самая большая территория, занимает второе место по добыче нефти и газа, имеет большие вооруженные силы, большую и хорошо подготовленную дипломатическую службу и службу разведки, имеет сферу влияния в бывших советских республиках и кое-где еще – в Сирии и на Западных Балканах.

Предшественник России, Советский Союз, осуществлял пропаганду по всему миру. Однако, Советский Союз пропагандировал идеологию, которая вообще не пользовалась доверием, его пропаганда была успешной только в тех частях света, где она была подкреплена силой оружия.³ Российская Федерация, которая утроила свой ВВП с 1999 по 2013 год, использовала свои ресурсы для диверсификации своей деятельности в областях, которые воспринимались как слабые, компенсируя недостатки в проецировании влияния международной коммуникацией. Хотя мы рассматриваем продолжающийся процесс, это развитие привлекло особое внимание, когда Начальник Генерального штаба российских вооруженных сил, генерал Валерий Герасимов, интегрировал важность коммуникации в свою «не-доктрину – доктрину».⁴ В целом, после 2014 года программа напористой стратегической

---

³ Как сформулировал это Джордж Кеннан: «Каждый навязывает свою систему так далеко, как далеко может пойти его армия. И быть по другому не может». Цитировано в Louis Menand, "Getting Real: George F. Kennan's Cold War," *The New Yorker*, November 6, 2011, <https://www.newyorker.com/magazine/2011/11/14/getting-real>.

⁴ Примечательно, что многие говорили о так называемой доктрине Герасимова до того момента, когда «изобретатель» этого термина извинился за его изобретение. Mark Galeotti, "I'm Sorry for Creating the 'Gerasimov Doctrine'," *Foreign Policy*, March 5, 2018, <http://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/>. Хотя к подобному заключению пришел и Михаил Кофман, «Миф о «Доктрине Герасимова»: американский военный эксперт о том, почему российский генерал стал знаменитостью на Западе, *Известия*, 30 января, 2018,

коммуникации стала неотъемлемой частью общей (и военной) стратегии России. При этом следует обратить внимание на четыре примечательных аспекта:

1. Прагматизм. Внешние отношения Российской Федерации, резко отличаясь от внешних отношений ее предшественника, Советского Союза, можно охарактеризовать, как прагматические. Это дает больше возможностей коммуницировать разные послания, не придерживаясь набора нереалистических идеологических принципов;
2. Стратегическая коммуникация тесно была интегрирована с пересмотренной доктриной обороны. Это слияние, однако, создавало ощущение, что оно не является элементом сотрудничества, а конфронтации. Это было весьма прискорбно, и встревожило партнеров России в Европе и Северной Америке;
3. Это более широкий набор мероприятий и деятельности, к реакции на который мир в целом не был готов, а не просто стратегическая коммуникация, которая является видимой частью политического процесса;
4. Российское руководство, благодаря биографиям нескольких своих членов, включая президента Путина, рассматривало в положительном свете ведение более напористой кампании коммуницирования посланий страны миру в целом.

Проблема стратегической коммуникации, и насколько она тяжела

Факт, что стратегическая коммуникация и получение возможности оказывать государственное влияние благодаря ей стали расхожими темами, не облегчает адекватное измерение роли этого фактора в межгосударственных отношениях. С уверенностью можно утверждать, что Российская Федерация стала актором, который хочет оказывать влияние на свое окружение. В этом смысле Москва не отличается от любого другого государства. Однако, разница есть, поскольку она амбициозно и напористо объявилась на международной сцене и хочет обеспечить себе место в сфере международных коммуникаций. Москва занялась активными мероприятиями, созданием и финансированием подставных организаций, проведением психологических операций, в том числе порождением ненависти, страха и надежды. Другим отличием является то, что напоследок Российская Федерация активно использует очень широкий спектр коммуникационных средств и методов.

<https://iz.ru/651301/maikl-kofman/mif-o-doktrine-gerasimova>, именно Галеоти создал впечатление, что говорить о завершенной доктрине Герасимова было бы преувеличением.

Среди средств коммуникации мы можем увидеть полагание на разные медиа источники, оформленные для разной аудитории. Здесь существенным моментом является экономическая эффективность. Россия отдает предпочтение электронным СМИ, включая социальные медиа и телевидение. Российское национальное телевидение широко доступно на территории бывшего Советского Союза, в том числе и в Балтийских государствах. Его влияние заметно при рассмотрении результатов опросов общественного мнения, отражающих симпатии к России и к позициям, занимаемым российским государством. Обычно они выше там, где есть такие программы. Это означает, что российские телевизионные программы, прежде всего Первый канал и РТР Планета, достигли многого в странах, непосредственно соседствующих с Россией. Россия также использует международное телевидение на разных иностранных языках. Телевидение Russia Today, или RT, как оно было переименовано, сейчас доступно на арабском, английском, французском, немецком и испанском языках. Оно доступно как по спутниковым, так и по кабельным каналам. У RT также имеется интернет сайт на тех же языках и на русском. Это телевидение было создано и щедро финансируется государством.⁵

RT широко обсуждался на международном уровне как телевизионный канал, осуществляющий пропаганду и распространяющий часто фальшивые новости. Дошло до того, что президент Франции, Эммануэль Макрон, на совместной пресс-конференции с российским президентом, Владимиром Путиным, отметил, что поддерживаемые государством информационные порталы, RT и Sputnik являются «проводниками влияния», которые распространяли лживые сведения о нем в ходе его избирательной кампании.⁶ Россия представляет их деятельность по-другому и ставит ударение на вклад RT в улучшение имиджа страны в мире. Очевидно, речь идет не о вещании, как таковом, а об использовании этих каналов в качестве платформ для вмешательства во внутреннюю политику государств, в дополнение к другим, часто скрытым, средствам. В общем, беспокойство связано с более широким набором средств, некоего конгломерата российского потенциала мощи, который включает телевизионные программы как часть или как прикрытие. Вопрос в том, является ли медиа коммуникация центром или дополнительным элементом множества более или менее тайных средств. Это иллюстрируется фактом, что данные о реальном просмотре RT не впечатляют. К примеру, в Соединенном Королевстве RT никогда одновременно не смотрели больше 4300 домохозяйств. На этой основе было бы

---

⁵ Executive Order on Measures to Make State Media More Effective; Executive Order on Measures to Raise Efficiency in the Work of State Mass Media Outlets, <http://eng.kremlin.ru/acts/6387>.

⁶ Nicholas Vinocur, "Macron, standing by Putin, calls RT and Sputnik 'agents of influence'," *Politico*, May 29, 2017, <https://www.politico.eu/article/macron-and-putin-agree-on-restart-of-ukraine-talks/>.

сильным преувеличением считать это телевидение источником существенного влияния.

Россия проецирует свои послания в интернете, используя также такие платформы, как Sputnik (в том числе, Sputnik news), и сайты разных социальных медиа, которые выражают определенные взгляды. Если они компрометируются или «выходят за предел срока годности», они просто исчезают и освобождают место для новых, к которым имеется большее доверие. В сфере печатных СМИ, которые имеют более ограниченное влияние на общество, Россия так же применяет разнообразные средства. В их число входят предоставление иностранным журналистам, которые симпатизируют России, доступа к российским руководителям, а также обеспечивают им облегченный доступ к российской версии разных событий. Важно то, что Россия предоставляет журналистам информацию на многих языках. Часто качество перевода было такое же, как при переводе ранними версиями переводчика Google, но в последнее время оно существенно улучшилось, что указывает на то, что Россия готова инвестировать в перевод. Западные журналисты, которых поджимает время передачи материалов и которые не хотят жертвовать время и усилия для проверки фактов, часто с готовностью используют легкодоступную «готовую» информацию. В результате этого мы наблюдаем мультиплицирующий эффект русской версии фактов в СМИ других стран.

Россия использует в своих интересах единство своих собственных посланий и имеет выгоду от разделенного набора взглядов на Западе. Эта асимметрия является проблемой, поскольку она дает России преимущества, которые Запад не может балансировать. На практике, как будет продемонстрировано далее, попытки компенсировать и балансировать асимметрию имеет политическую цену, некоторые аспекты которой Запад не может принять и нести. Это создает впечатление, что Запад реагирует с опозданием и колеблется, оказавшись *лицом к лицу* с недружественной, если не напрямую враждебной, российской стратегической коммуникацией.

Ситуация еще больше усложняется информационной перегрузкой, при которой становится еще более трудно идентифицировать надежные источники информации, особенно из-за того, что социальные медиа дезагрегируют старые схемы коммуникации и новые акторы могут напрямую входить в контакт с населением других стран. Аналогичные проблемы уже имели место в 1980-х в связи со спутниковым телевидением, которое давало населению других стран доступ к электронным СМИ. Здесь имеются три фактора, на которые следует обратить внимание:

1. Социальные медиа сделали доступ более экономически эффективным, и поэтому влияние может быть «куплено» по более низкой цене;
2. Легче стало отправлять индивидуальные послания; и
3. Некоторые сети социальных медиа, в том числе такие широко распространенные, как Фейсбук, способствуют усилению восприятий

путем предварительного отбора тех посланий, которым человек предположительно симпатизирует, основываясь на записях предыдущих сообщений. Другие социальные медиа выбирают на какие послания ставить акцент на базе списка ранее рассматриваемых вебсайтов. Это приводит к тому, что люди читают послания, которые укрепляют их прежние взгляды, таким образом, далее углубляя их убеждения.

Все это способствует дальнейшему усугублению политического разделения обществ.

Множество проблем, требующих адекватной реакции

Новые возможности для осуществления стратегической коммуникации порождают множество вызовов, которые, очевидно, требуют адекватного ответа. Однако, нахождение адекватного и наиболее эффективного ответа связано с множеством трудностей. Логику рассуждений можно подытожить следующим образом:

1. Стратегическая коммуникация является частью более широкой политической стратегии, или как ее иногда называют, большой стратегии, и поэтому роль коммуникации следует оценивать в свете общей стратегии и взаимосвязей между ними. Имеют ли государства общую стратегию? Соответствует ли стратегическая коммуникация большой стратегии государства и вносит ли она свой вклад в ее осуществление или между ними имеются противоречия?
2. С течением времени фокус стратегической коммуникации изменился. Тогда как в 2014 российская стратегическая коммуникация была сфокусирована на распространении «фейковых новостей», в последнее время она стала более диверсифицированной. Как будет показано ниже, она также стала более интегрированной с другими видами государственной деятельности.
3. Характер действий враждебной коммуникации затрудняет реакцию на них. Часто распространяется не альтернативный когерентный взгляд на события и их развитие, а некоторая вариация, предназначенная для подрыва доминирующего – обычно западного – дискурса. В других случаях, она направлена на лишение Запада его монополии на свои послания. И на последнем месте, но не по значению, она иногда проявляется как «движущаяся цель». Она меняет послания с тем, чтобы сохранять присутствие в СМИ и сохранять фокус внимания «на послании».
4. В посланиях часто сочетаются элементы реальности с фальсификациями. Часто используются послания, в которых все элементы нахо-

дятся в соответствие с фактами, но связаны таким образом, что вопросы, не имеющие отношение друг к другу, выглядят тесно связанными.⁷

Очевидно, у Российской Федерации есть общая стратегия, которая восходит назад к консолидации российской государственности, начавшейся после прихода к власти Владимира Путина. Это рассуждение, которое основывается на текущей и не столь давней истории. А именно, исходным пунктом стратегии Российской Федерации является положение, что сильное государство является единственной гарантией уважения к стране и ее международному признанию. Поскольку 1990-е отличались слабой государственностью, был создан дискурс, который произвольно связывает слабую государственность с хаосом и либерализмом в качестве причины этого хаоса. Из этого следует, что для того, чтобы избежать недомогания, предпочтительнее иметь сильное государство. Если либерализм означает слабость, то тогда сила ассоциируется с отрицанием либерализма. Тщательный анализ легко может доказать, что приравнивание сильной государственности с отрицанием либерализма и приравнивание слабости с либерализмом является фундаментально ложным. Однако, для российского руководства имеет значение только имидж, создаваемый в умах населения.

Хотя российские цели за последние два десятка лет менялись, есть цели, которые оставались в целом неизменными. Большая стратегия Российской Федерации отдает более высокий приоритет статусу, а не достижениям. Следовательно, для российского руководства важно представлять страну высоко успешной. В каком-то смысле это возможно, поскольку показная политическая стабильность способствует созданию такого впечатления. Внутренняя сила представляется как могущество в международном плане (что делают многие государства). Однако, из-за неравномерного уровня развития России, стратегическую коммуникацию используют для подчеркивания достижений и преуменьшения слабостей. Поэтому часто говорят, что российское руководство «сильно разыгрывает слабую карту».

Наиболее важной целью России в международном плане является сохранение независимой государственности и суверенного политического вы-

---

⁷ Достаточно упомянуть статью, которая привлекает внимание к новости, что Польша хотела бы принять силы США на постоянной основе и готова израсходовать большую сумму денег (2 миллиарда долларов США) для этой цели с дополнением, что Польша также откроет бордели для войск, расположенных там. Это заглавие может содержать элементы, которые соответствуют действительности. Действительно, Польша хотела бы принять вынесенную вперед штаб-квартиру вооруженных сил США на своей территории. Однако, упоминаемые бордели будут созданы не польским государством, а рынком, если таковая потребность имеется. Тем не менее, те, кто не читают заголовок с должным вниманием, могут получить ложное впечатление. Смотри Виктор Баранец, «В Польше ждут янки и готовят для них бордель», *Комсомольская правда*, 31 мая – 6 июня, 2018, с. 4.

бора и восстановление ее статуса на основе могущества и силы. Подчеркивается необоснованное предположение, что когда Россия в 1990-х заняла «примирительную» позицию, она не была «вознаграждена» за это, наоборот, Запад воспользовался ее слабостью. Тогда как Россия придерживается взгляда, что воспринимаемое западное вероломство сделало ее ответ необходимым, западные спикеры не разделяют эту точку зрения. Главной амбицией России является желание стать одним из столбов многополярной международной системы. Поскольку укрепление ее позиций сталкивается с ограничениями, прежде всего из-за ее ограниченной роли в мировой экономике и ее слабости в качестве ролевой модели – важный элемент мягкой силы, этого можно добиться, в понимании России, постепенным ослаблением других центров могущества. Мишенями в данном аспекте могут быть составные элементы, т.е. индивидуальные государства, и элементы, которые способствуют их когезии, включая союзы и другие формы интеграции. Российская Федерация применяет разные средства для ослабления государств и альянсов. Однако, широко выражаются сомнения, являются ли используемые средства адекватными и пропорциональными.

Многие эксперты хотели бы видеть Российскую Федерацию интегрированной в международной системе на приемлемых условиях и, таким образом, избежать превращение Москвы в отчужденного изгоя или лидера тех, кто объединяется против международного порядка, в котором Запад (даже при слабеющем единстве) все еще является доминирующим. Вопрос в том, может ли внутреннее развитие событий в Российской Федерации стать основой для такого процесса. Основные опасения связаны с экономическими вопросами, которые полностью подчинены политике. При меньшей интеграции в мировую экономику, эта тенденция не может быть повернута вспять, поскольку две трети экономического развития России является результатом применения западной технологии и методов производства. Россия экспортирует в девять раз меньше товаров, чем Китай, а ее экспорт капитала находится на уровне экспорта Дании и равен приблизительно 150 миллиардам долларов США.

Россия не реализует свой существенный потенциал даже на постсоветском пространстве. Она пользуется признанием своего символического лидерства, но менее успешно находит пути для превращения лидерства в экономические возможности. Достаточно упомянуть, что китайские инвестиции в Казахстане в 7-8 раз больше российских. Режим санкций, на который российские лидеры возлагают вину за экономические трудности, очевидно, имеет более долгосрочные последствия, чем ожидали в Москве. Более того, между макроэкономистами существует консенсус, что возможное снятие санкций не приведет к увеличению российского экспорта. Хотя Россия продолжит обеспечивать годовой прирост в 1.5-2.0 процента, этого не будет достаточно для поддержания конкуренции. В такой ситуации, если социальное недовольство продолжит нарастать, существует опасность «закручивания гаек» и дальнейшего использования авторитарных средств в большей

степени, чем когда-либо. Возможно, что режим, замечая свою ослабевающую популярность, откажется от принятия радикальных мер и продолжит вмешиваться. Это может сохранить социальный консенсус в обозримом будущем, но будет способствовать распаду в долгосрочном плане. Кроме того, в отличие от Советского Союза, Россия недостаточно инвестирует в человеческий потенциал, включая образование и здравоохранение, и это еще больше ставит стабильность под вопросом.

Расхождение между реальными результатами и заявляемым статусом создает ситуацию, в которой широкий набор аспектов коммуникации становится незаменимым. Хотя, в целом, Россия не очень успешно диверсифицировала свое могущество, роль коммуникации она увеличила существенно. Однако, проблема мира в целом не в стратегических посланиях России. Это и не так называемые «фальшивые новости», поскольку такие случаи можно раскрывать, и это будет конфузом для российского руководства. Проблема в широком наборе средств, начиная от безосновательных сообщений и кончая активными мероприятиями и другими способами вмешательства во внутренние дела других.⁸ Кроме того, российское вмешательство простирается от случаев, вызывающих несогласие или являющимися морально спорными и далее до нелегитимных или прямо незаконных действий.

Реакция на вызов российской стратегической коммуникации

Когда Запад встает перед вызовом реакции на поведение России, он сталкивается с несколькими чувствительными асимметриями, начиная от единства российских посланий и заканчивая вопросом реагировать индивидуально или коллективно и, следовательно, вопросом об единстве послания Запада. Так как Российская Федерация стремится к мобилизации (или демобилизации) общественного мнения с помощью своих посланий, западные общества попросту не располагают вариантом бездействия. Более того, дилемма состоит в том, что Запад объединен своими ценностями, в том числе свободой выражения и свободой прессы, и поэтому должен принять или, по крайней мере, допускать разные выражения свободы в других странах, включая те, что следуют зловредные намерения в своих посланиях.

---

⁸ Это не является беспрецедентным, поскольку также имеет место между другими акторами и в других контекстах. Джеймс Уулси, бывший директор ЦРУ, в телевизионной передаче, когда его спросили, не вмешиваются ли США в политический процесс других стран, ответил следующим образом: «Хорошо ... только во имя благих целей. В интересах демократии». Eric Boehm, "Former CIA Director and Fox News Host Share a Laugh over American Interference in Foreign Elections: James Woolsey says America only interferes in other nations' elections "for a very good cause," but he can't keep a straight face while saying it," *Reason*, February 20, 2018. По состоянию на 20 июля 2018, <https://reason.com/blog/2018/02/20/former-cia-director-and-fox-news-host-sh>.

Современные общества залиты информацией в большей степени, чем когда-либо. Мы постоянно получаем новости из разных источников и многие из этих источников не проверены в плане своего содержания и намерений. Ожидается, что печатные и основные электронные СМИ подвергаются верификации в плане качества их содержания. Социальные медиа с самого начала своего существования считались неподконтрольными, и поэтому «наиболее свободными». Однако, как показало развитие событий, свобода должна иметь ограничения для того, чтобы защищать свободу других, и чтобы защищать общественный интерес в этой сфере. Для государств эта проблема произрастает из факта, что без продолжительного опыта трудно достичь согласия по определенным основным вопросам, например защиты общества без лишения его доступа к информации. Для обществ проблема в чем-то подобна, в чем-то отличается. Сходство касается важности защиты людей без излишнего ограничения их доступа к информации, т.е. без использования какой-либо цензуры. Отличие в том, что у обществ нет специальных организаций и ресурсов для реакции концентрированным и чувствительным ко времени способом.

Очевидно, основная проблема проистекает из факта, что общества не подготовлены соответствующим образом справляться с информацией, которую получают их члены. Люди не обучены соответствующим образом и сталкиваются с трудностями при отборе или при отбрасывании новостей и интерпретаций, которые им предоставляют СМИ. Кроме того, естественная многоязычность также является проблемой, поскольку большинство людей предпочитают знакомиться с новостями на своем первом языке (материнском языке). Следовательно, те поставщики, кто предлагают медиа содержание на материнском языке аудитории, пользуются относительным преимуществом. Однако, как раз в постсоветском контексте этому следует дать квалификацию. В нескольких постсоветских государствах использование русского языка остается широко распространенным и, по крайней мере в одном, Белоруссии, русский язык используется как первый язык. Это является проблемой, поскольку Россия может располагать существенным влиянием в СМИ в разных государствах, от Таджикистана до Украины.

Остается открытым вопрос, является ли адекватной реакцией введение некоторых административных мер, как например, исключение соответствующих каналов из пакетов кабельного телевидения. Те, кто чувствителен к демократии, возможно, располагают инстинктом не защищать такие радикальные шаги. Однако, что если две страны находятся в состоянии высокоинтенсивного конфликта (войны), и одна из них намеревается подорвать решимость общества другой страны воевать? Именно так Украина пришла к решению исключить российские каналы с существенным новостным и пропагандистским содержанием из кабельных пакетов. Молдова последовала за Украиной более ограниченным отстранением российских новостных программ из пакетов. никоим образом это нельзя понимать как запрет на рос-

сийские телевизионные программы в этих двух странах. Программы оставались доступными через интернет и через спутники. Никто не запрещал домохозяйствам иметь спутниковую тарелку и в районах, где преобладают русскоговорящие, можно увидеть леса такого оборудования.⁹ Хотя это не приветствуется, человек может понять, что существуют исключительные обстоятельства, когда может быть необходимо жить с такими временными ограничениями, какие были введены Украиной и Молдовой. Это не широко известно, но в некоторых других бывших советских государствах, например в Таджикистане, число доступных российских каналов так же было уменьшено. А в других, например в Грузии, спрос упал, поскольку молодое поколение уже не пользуется так свободно русским языком и ему интересны медиа на других языках, например, на английском, и свои национальные программы.

Тем не менее, большинство государств не имеют никакого намерения запрещать российские коммуникационные каналы на своей территории. Хотя в некоторых случаях, на основе реципрокности, административные требования для регистрации российских медиа порталов были актуализированы (например, в США), что касается RT. Остается открытым вопрос, что случится, если некоторые представители иностранных СМИ будут обязаны свернуть свою деятельность в России (например ВВС). Будут ли государства, которые принимают российские медиа, считать себя обязанными ответить зеркальным способом и, например, закрыть офис RT в Лондоне.

В ответ на этот вызов единство Запада сталкивается с деликатными выборами, выходящими за рамки административных мер. Запад является диверсифицированным субъектом и поэтому не обязан реагировать одним и тем же образом. Есть так же некоторое разделение между США (и не только благодаря нынешнему руководству) и их европейскими союзниками, главным образом в отношении активных контрмер с использованием готовых посланий. Поэтому одна из первых проблем при поиске адекватной рамки, это какой должна быть реакция – национальной, интернациональной или коллективной. Есть некоторые основные пункты, по которым преобладает консенсус: доверие в общественные электронные медиа и в коммуникацию государственных органов является существенным предварительным условием. В тех странах, где люди в целом доверяют государству и не имеют причин часто сомневаться в том, что говорит и делает государство, для других стран трудно воспользоваться противоречиями между теми, в чьих руках находится власть, и населением. Тому есть хорошая иллюстрация, провалившаяся попытка RT приобрести влияние в Швеции. В этой скандинавской стране были приложены усилия для улучшения медиа грамотности

---

⁹ Весной 2018 человек может увидеть густой лес спутниковых тарелок в Одессе.

среди школьников и молодежи, для повышения неподатливости и своевременного опровержения фейковых новостей.¹⁰ Существует так же комплексная связь между глубоко разделенным политическим классом и возможностями приобретения внешнего политического влияния. Когда налицо широкий политический консенсус по основным положениям общественно-политической и общественно-экономической жизни и международной ориентации страны,¹¹ для внешнего вмешательства через разные медиа каналы остается меньше места.

И наоборот – глубоко укоренившиеся внутренние разделения, расколы в обществе, неустановившаяся международная ориентация помогают внешним игрокам использовать свое влияние. Достаточно упомянуть некоторые из государств Западных Балкан, где создание социальной сплоченности было unsuccessful. В некоторых случаях неуспех имеет этнические и исторические корни. Достаточно упомянуть такие государства, как Босния и Герцеговина, где Россия оказывает поддержку боснийским сербам с целью сохранения внутреннего разделения и оказания давления на государство Босния и Герцеговина. В Сербии Россия играет на струне православного христианства в качестве цивилизационной основы, в Хорватии она говорит о солидарности славянских наций, а в Северной Македонии возможность для вмешательства обеспечивается глубоким разделением в сфере внутренней политики и взаимно исключаящимися повестками дня.

Коммуникация является наиболее видимым элементом, за которым стоят менее видимые силы, от дипломатии и разведки до кредитов и инвестиций. Коррупцированный истеблишмент всегда оказывается полезным для целей коммуникации, особенно в небольших и бедных странах, где коррупцированные лидеры требуют невыносимых расходов. Интересной особенностью многослойных российских мер является то, что когда руководство данной страны становится зависимым от Российской Федерации, Россия перестает обращать большое внимание на достижение и сохранение решительного влияния в информационном пространстве. В качестве примера достаточно упомянуть Венгрию, где многоканальная зависимость от государства, дополненная замечательной политической стабильностью, делает приобретения влияния на широкую публику лишним. Естественно, Россия с готовностью пользуется венгерскими прокси медиа каналами для расширения своего влияния в этой стране. В целом, обобщить факторы успешного противодействия тех государств, которые не желают попадать под зависимость от России, несложно: хорошее управление (доверие, коммуникация), национальное единство и низкий уровень коррупции являются

---

¹⁰ Относительно таких действий смотри <https://www.stopfake.org/en/tag/sweden>.

¹¹ RT распространила фальшивую новость в своей испаноязычной программе, согласно которой Швеция хотела бы покинуть ЕС. Смотри «RT: Sweden wants out of the EU», July 14, 2016, <https://www.stopfake.org/en/rt-sweden-wants-out-of-the-eu/>.

неотъемлемой частью этого списка. Информационная грамотность в обществе, т.е. способность отличать правду от искривленных сообщений, является существенным компонентом устойчивости. Поэтому уровень политической культуры и усилия по ее развитию имеют большое значение.

Есть некоторые очень успешные примеры в Северном и Балтийском регионах, где попытки расширить российское влияние имеют весьма ограниченный эффект. В этих случаях имеет место определенный возврат к традиционным мерам. Это заметно в северных странах, где Россия использует свои каналы публичной политики, чтобы оказать влияние на финское и шведское правительства в плане предупреждения их сближения с НАТО. В прибалтийских государствах ситуация естественно является более сложной из-за существования большого – хотя и сокращающегося – русского этнического меньшинства. Однако в государствах, которые продемонстрировали проактивную решительность, как например Эстония, и в которых хорошее управление было безусловным продолжительное время, попытки России, независимо от воздействия СМИ на, например, русскоговорящее население Эстонии, стали более нюансированными и осторожными с целью избежать дальнейших промахов. Нет сомнения, что соответствующие российские институции (соответствующий персонал) ждут своего часа.

В последние годы Запад имел возможность узнать больше о способах и средствах, с помощью которых работает российская стратегическая реализация посланий. Существуют некие пики в последовательности событий, при которых реализация российских посланий приводила к определенным опасениям. Мы рассмотрим их последовательно.

Первым событием был кризис в 2007 году с Эстонией. Эстонские власти перенесли памятник неизвестному солдату из центра Таллина. Последовали демонстрации, в которых участвовало приблизительно один процент населения города. Россией это было умело представлено как гораздо большая демонстрация, чем она на самом деле была, и было использовано как прелюдия к первой широкомасштабной, но ни в коей мере не разрушительной кибератаке, которую Россия направила против Эстонии.¹²

Через несколько лет последовал так называемый случай Лиза, при котором русская девушка, которая жила в Германии, исчезла из своего дома. Предположительно, она была похищена и изнасилована. Хотя Германия это опровергла и предоставила наличную информацию России по дипломатическим каналам, российская пропагандистская машина продолжила свою работу. На пике событий министр иностранных дел Лавров говорил о

---

¹² Mark Landler and John Markoff, "In Estonia, What May be the First War in Cyberspace," *The New York Times*, May 28, 2007, по состоянию на 18 июля, 2018, <https://www.nytimes.com/2007/05/28/business/worldbusiness/28iht-cyberwar.4.5901141.html>.

«Нашей Лизе». Это было воспринято плохо Германией, поскольку информация, указывающая на то, что Лиза не была похищена и изнасилована, была в распоряжении российского МИД-а.¹³

В-третьих, когда вооруженные силы Германии отвечали за временное ротационное расположение многонационального формирования из 800 человек в Литве, была распространена новость, что немецкие солдаты изнасиловали местную женщину. И снова, это было совершенно безосновательно. Однако, эта новость давала возможность вбить клин между войсками и местным населением, каким вероятно и было намерение.¹⁴

В четвертом случае, весной 2018 года, бывший русско-британский двойной агент, Юрий Скрипаль и его дочь были отравлены в городе Солсбери в Объединенном Королевстве, где они жили в изоляции. Запад придерживался точки зрения, что попытка отравления была совершена Россией. Российские СМИ выразили сомнения в западной версии и представили множество фактов, которые могли ослабить ее убедительность, в том числе и наличие такого яда в арсенале других стран, включая Чешскую Республику и Швецию. Утверждалось, что если это была бы российская сторона, она бы сделала такую работу тщательно, т.е. не было бы никаких выживших.¹⁵ В общем, в быстрой последовательности появилось 31 разная версия о возможном источнике химиката. Это создало такую дымовую завесу, что стало очень трудно понять что вообще произошло. Так же, Россия боролась, занимая активную позицию в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), предлагая предоставить российским экспертам доступ к месту преступления и британскую лабораторию, где тоже мог быть разработан Новичок. Объединенное Королевство попыталось переложить бремя обратно на Россию, обеспечивая максимально возможную для данного случая прозрачность, включая опубликование имен русских исполнителей и других участников и требуя от России их экстрадицию.¹⁶ Хотя один русский эксперт по безопасности высказывал мнение, что российская аргументация не

---

¹³ Stefan Meister, "The 'Lisa case': Germany as a Target of Russian Disinformation," *NATO Review*, www.nato.int/docu/review/2016/also-in-2016/lisa-case-germany-target-russian-disinformation/EN/index.htm.

¹⁴ Teri Schultz, "Why the 'Fake Rape' Story against German NATO Forces Fell Flat in Lithuania," *Deutsche Welle*, February 23, 2017, по состоянию на 18 июля, 2018, <https://www.dw.com/en/why-the-fake-rape-story-against-german-nato-forces-fell-flat-in-lithuania/a-37694870>.

¹⁵ «... если бы это было боевое отравляющее вещество, люди, конечно, погибли бы на месте. Это очевидный факт ...» – сказал Владимир Путин 18 марта 2018 года. См. «Ответы на вопросы журналистов после завершения выборов Президента», <http://kremlin.ru/events/president/news/57085>.

¹⁶ Очевидно, что Россия в соответствии с международным правом и установленной практикой никогда не экстрадирует своих граждан для криминального расследования в другом государстве. Однако идентификация подозреваемых (по именам, фотографиям и т.д.) делает послание Запада более достоверным и затрудняет противодействие ему, по крайней мере, в международном плане.

должна меняться столь часто и следовало бы придерживаться одного послания, оказалось, что российское государство действовало удачно в защиту своих интересов. В итоге, за исключением сообщества экспертов, большинство людей устали от шумихи по этому случаю, потеряли нить и интерес к этому вопросу, что являлось успехом для российской пропаганды и публичной дипломатии.

Что мы можем извлечь из четырех случаев, представленных выше? Во-первых, свое собственное медиа пространство следует подвергать постоянному мониторингу, чтобы иметь возможность своевременно реагировать при обнаружении атаки. Во-вторых, разные враждебные действия часто оказываются связанными. Поэтому, когда начинается враждебное действие в одной области или с использованием одного канала, имеются все основания ожидать потенциального распространения на другие в скором времени. В-третьих, очень важно представить своевременно свою версию, чтобы противодействовать коммуникации стратегического оппонента. Четвертое, важно придерживаться фактов и не реагировать реципрокным образом на фальсификации противной стороны с использованием информации, противоречащей фактологии. В-пятых, в последнее время постоянно повторяющейся проблемой стало принятие решение в начале случая как далеко сторона, приписывающая информационную атаку данному государству, например Российской Федерации, готова раскрывать свои источники. Оппонент, пытающийся посеять сомнения в вашу собственную версию, действует на основании предположения, что вы будете противодействовать его версии без предоставления соответствующих доказательств. Если вы начнете расследование для установления фактов, будьте уверены, что противная сторона тоже начнет собственное расследование и выводы, к которым придет это расследование, будут противоположными. Шестое, весь этот обмен ударами происходит перед публикой с целью убедить ее, что вы действуете в соответствие с истиной, законом и высокой моралью. Аудитория включает вашу национальную сферу коммуникации, сферу коммуникации вашего противника и так называемое международное сообщество. Седьмое, если коммуникация упрощена до противопоставления двух конкурирующих версий фактов, публика останется разделенной и поставленной перед весьма простым вопросом «или-или». Вот почему необходимо представлять свою собственную версию как часть превосходящего набора норм, принципов и ценностей для того, чтобы нарушить это равновесие.

Учитывая существующие на данное время разделения на Западе, коллективная реакция на вызовы враждебной стратегической коммуникации предпочтительнее, чем ответы на национальном уровне, если вы желаете получить поддержку друзей и союзников. Такой подход применялся в так называемом случае Скрипаля, при котором за британской реакцией последовала массированная демонстрация солидарности. Когда приоритет отдается национальной реакции с ссылкой на срочность, как показал упомянутый выше случай в Литве, это не означает, что международные институции

не могут играть никакой роли. Их роль может оставаться дополняющей и ограниченной в тех областях, где они могут обеспечить действительное сравнительное преимущество. Международные организации сталкиваются и с другой проблемой – они часто с трудом принимают решения по разделяющим вопросам и Российская Федерация часто прилагает максимум усилий для предотвращения установления единства в западных институтах.

Как НАТО, так и Европейский Союз занимались вопросом стратегической коммуникации в быстроменяющихся условиях прошедших нескольких лет. Их активность отражала потенциал этих институций и границы согласия между странами членами.

НАТО прежде всего усилило свою способность собирать и затем анализировать собранную информацию. На этой основе Альянс занимал проактивную позицию. Был создан Центр передового опыта в Риге, занимающийся темой стратегической коммуникации, и вместе с ЕС, подобный центр в Хельсинки – первая институция такого рода вне территории НАТО. В рижском центре акцент ставится на углубленное исследование коммуникации и на развитие методологии для стран-членов. Учитывалось, что Альянс не может выделить большие ресурсы на эту деятельность и поэтому готовность стран-членов участвовать критически важна для противодействия российскому вызову. НАТО также стало более активным в сети. Счет удалось сравнить путем представления российской точки зрения на Альянс и его политику и сопоставлять ее с фактами и действительной позицией НАТО. Факт, что позиция НАТО таким образом представлялась в виде опровержения, привлек больше внимания со стороны читателей и построенная на контрасте позиция была более интересным чтивом. Цель такого подхода частично состоит в том, чтобы дать понять российским СМИ, что они не могут распространять фальшивки, поскольку противная сторона следит за этим, и такого рода заявления не останутся без ответа. НАТО требует от таких СМИ корректировать фальшивые истории. Хотя это и не является главной целью, но важно отметить, что здесь имеется элемент «указать и пристыдить», т.е. СМИ, которые постоянно публикуют информацию, противоречащую фактам, и дают пристрастные оценки, могут быть уверены, что на них обратит внимание публичная дипломатия Альянса и их деятельность не останется без ответа. В некоторых случаях для этого требуются скоординированные действия НАТО.

Запомнился случай, когда Верховный главнокомандующий союзными вооруженными силами в Европе, генерал Бридлав, добился рассекречивания спутниковых изображений для предоставления солидных доказательств для документирования военного присутствия России в Донбассе. В этой деятельности НАТО руководствуется представлением своих сообщений четко и достоверно, избегая контрпропаганды и нарочитого противопоставления российской коммуникации.

Случай ЕС не менее своеобразен. Прежде всего, ЕС реагировал с опозданием на появляющиеся вызовы, как и во многих других случаях. Это объяснялось сложной институциональной рамкой и необходимостью исключительной координации между государствами-членами и институциями. В результате «Заключений Совета» было создано управление Стратегическая коммуникация Восток Службы внешних действий ЕС.¹⁷ Его тремя главными целями являются:

1. Коммуницирование политики ЕС странам восточного партнерства;
2. Укрепление среды СМИ;
3. Составление прогнозов, рассмотрение «прокремлевской дезинформации» с некоторым акцентом на кризис внутри и вокруг Украины, как он официально называется.

Российская стратегическая коммуникация является проблемой для ЕС, поскольку она использует невоенные средства для достижения политико-военных целей и поддерживается огромными ресурсами. Достаточно сказать, что Россия инвестировала 191 миллионов евро в Twitter и так же активна и в Facebook. Россия также пользуется более быстрым распространением фальшивых новостей – согласно наблюдениям, фальшивые новости распространяются в шесть раз быстрее, чем в среднем распространяются новости.¹⁸ Ее целью является дезориентирование и оказание влияния на политиков и на общества. Она также пытается создать путаницу с намерением, чтобы люди потеряли ориентацию, что касается фактов. Она использует стереотипы, которые часто повторяются с тем, чтобы адресаты стали воспринимать их как данное. В последнее время муслировались такие моменты, как «ЕС является вассалом США», «на Западе преследуют защитников прав человека», «Экономическая ситуация в прибалтийский государствах сейчас хуже, чем в советские времена» и т.д. Важно, чтобы стереотипы касались вопросов, с которыми преобладающее большинство населения в деталях не ознакомлено. Хотя деятельность ЕС в этой сфере может быть недостаточно видимой, но существует вебсайт *Eu vs Disinfo* (<https://euvsdisinfo.eu>), на котором публикуются не только анализы, но и поддерживается база данных о 3 800 случаях дезинформации с сентября 2015 года. Может быть активность ЕС менее очевидна, чем это было бы желательно, но тем не менее, она помогает получить доступ к источникам тем, кто хочет понять, как рас-

---

¹⁷ “European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions,” Brussels, March 20, 2015, EUCO 11/15, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11-2015-INIT/en/pdf>.

¹⁸ Смотри, например, Robinson Meyer, “The Grim Conclusions of the Largest-Ever Study of Fake News: Falsehoods almost always beat out the truth on Twitter, penetrating further, faster, and deeper into the social network than accurate information,” *The Atlantic*, March 8, 2018, www.theatlantic.com/technology/archive/2018/03/largest-study-ever-fake-news-mit-twitter/555104/.

пространение дезинформации работает и дает понять создателям таких посланий, что им не удастся долгое время оставаться безнаказанными за свои фальшивые послания.

ЕС, начав один раз заниматься этим вопросом, не откажется от работы над ним скоро или легко. Есть много примеров, иллюстрирующих это. В сфере противодействия дезинформации это было продемонстрировано, когда Комиссия приняла стратегический документ по этой проблеме после заключений Европейского Совета три года назад.¹⁹

Выводы

Российская Федерация не диверсифицировала существенно базу своего могущества. Единственной областью, в которой расширение набора способов и средств проецирования мощи было значительным, является стратегическая коммуникация. Россия сфокусировала свои усилия на обеспечение доступа к миру в целом с упором на территории, находящиеся недалеко от Москвы, и особенно на страны и сообщества, которые могут быть объектом воздействия такой коммуникации. Она пользуется преимуществами, которые ей дает ее способность проецировать единое послание, приверженность Запада к свободе речи и СМИ, а также в ее пользу работает асимметрия, обусловленная открытостью западного медиа рынка и почти полностью контролируемого российского такового.

Главной целью России является увеличение ее веса в международной системе и демонстрация ее неизбежного значения. Поскольку это может быть осуществлено только частично путем демонстрации ее бесспорных сильных сторон, России необходимо выполнять два условия: утверждать свое могущество с использованием коммуникации и, таким образом, получать поддержку и находить последователей, в частности, в странах и обществах, в которых влияние России имеет исторические корни или где оно может осуществляться со ссылкой на некоторые мифы, и второе, ослаблять влияние Запада. Влияние Запада частично воспринимается как вытекающее из его единства, включая его институты, и глобальные институты, в которых влияние Запада Россия считает слишком сильным, если не преобладающим, как например в международных финансовых институтах. Коммуникация является одним из применяемых средств. Однако, ею вовсе не исчерпывается полный спектр российских средств влияния.

Влияние СМИ является одним из наиболее видимых новых «оружий» в российском арсенале. Однако, как показывают последние свидетельства,

---

¹⁹ “Tackling online disinformation: a European Approach,” Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Brussels, April 26, 2018, <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2018/EN/COM-2018-236-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF>.

оно является частью спектра, в котором соседствуют морально неприемлемые, недозволенные или незаконные средства. Достаточно упомянуть финансирование определенных политических движений и партий (как Советский Союз финансировал западные коммунистические партии без всякой пользы), политическое и техническое вмешательство в выборы, осуществление покровительства, участие в коррупционных схемах с иностранными государствами и их руководством и, таким образом, обеспечение устойчивости прокси режимов.

Коммуникационная «победа» России находит отражение в некотором ослаблении западного единства и отступлении от его ценностей, в том числе и фундаментальных для демократии. Общества отдают предпочтение стабильности и сильным лидерам и воспринимают демократию как нечто данное. Однако, как бы ни пыталась Россия изображать эти изменения как свои собственные достижения, это верно только частично. Ошибки Запада, его нерешительность, его неадекватная реакция на кризисы и плохие лидеры, злоупотребляющие властью и занимающиеся своим пребыванием на должности, а не наиболее насущными проблемами, тоже являются способствующими факторами. Как часто бывает в международных отношениях, важно как все воспринимается. Демонстрация силы способствует определению статуса и работает как самоисполняющееся пророчество. Слабая карта, которая была разыграна весьма хорошо.

Запад, как и во многих других ситуациях, оставался нерешительным, медленным и разделенным в своей реакции. В некоторой мере это так, поскольку Запад сталкивался с проблемой, при которой определенные виды реакции требовали переосмысления фундаментальных ценностей, включая набор прав человека, в некоторой мере, в отношении скоординированной реакции, поскольку все это еще более затруднено, когда угроза не воспринимается как экзистенциальная, и потому реакция может быть нерешительной, и ее можно откладывать. Оглядываясь на истекшие годы, мы видим, что Запад постепенно усиливал свою реакцию на сохранение своего превосходства. Все еще является открытым вопрос, должен ли фокус западной реакции лежать на враждебной стратегической коммуникации или на других очень тревожных действиях, как например вмешательство в выборы политическими и техническими средствами, и на том, как будет развиваться распределение усилий между национальной и скоординированной международной реакцией.

Об авторах

Профессор доктор **Ральф Ролофф** является заместителем декана по очным программам в Центре им. Маршалла с 2018 года и профессором Университета Бундесвера в Мюнхене (с 2015). Он был старшим профессором от Германии (2003-2018) в Колледже международных исследований по вопросам безопасности при Центре им. Маршалла. Он директор магистерской программы международных исследований по вопросам безопасности (с 2010). Он также был руководителем Европейского семинара по безопасности (2015-2018). *E-mail: ralf.roloff@marshallcenter.org.*

Доктор **Пал Дунай** является профессором в области исследований по вопросам НАТО и европейской безопасности в Центре им. Маршалла и академическим советником для его PASS, ESS-E и SES курсов. Он был директором академии ОБСЕ с 2014 по 2016, руководителем курса международной подготовки по политике безопасности в Женевском центре политики безопасности с 1996 по 2004 и с 2007 по 2014, директором Венгерского института по международным делам в 2007 и старшим научным сотрудником Стокгольмского международного института исследований проблем мира с 2004 по 2007. *E-mail: pal.dunay@marshallcenter.org.*